

Современный любовный роман

18+

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Иа (не) ДЛЯ МЕНЯ

Ольга Николаева

Ольга Николаева

Ты (не) для меня

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69719614

SelfPub; 2023

Аннотация

Короткая интрижка с молодой сотрудницей в чужом городе закончилась ничем: я был вынужден срочно уехать и забыть о ней. А через несколько лет мой сын увидел эту девушку и закричал, что это – его мама. И ребенку плевать, что Лика не имеет ничего общего с той стервой, что бросила нас в прошлом. У меня есть только один шанс подарить своему ребенку счастье: снова сделать Лику своей. И я готов принять даже то, что нужен ей только в качестве отца для маленькой девочки, никогда не видевшей настоящего папу. Или, все-таки, у нас, взрослых, тоже есть шанс на чудо?

Содержание

Пролог	4
Часть 1	6
Глава 1	6
Глава 2	16
Глава 3	25
Глава 4	33
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Ольга Николаева

Ты (не) для меня

Пролог

– Папа, папа! Смотри, это она!

– Кто «она»? Мы же договорились, Дим? – Столько лет работы с психологом. Казалось, всё: решили вопрос, добились. И что? Опять?!

– Там моя мама! Вон она, смотри! Бежим, пока не ушла!

Димка рванул вперед с такой скоростью, что пятки сверкали. Огибал прохожих и препятствия, летел вперед, как маленькая торпеда. С размаху обнял какую-то незнакомку с белой пушистой косой.

– Девушка, извините. Мой сын вас перепутал. Ошибочка вышла... – Попытался отодрать детские руки от чужого пальто. Проще было бы клещи металлические разжать.

– Мамочка, мама! Мама, скажи ему, что это ты! Скажи ему! – У сына начиналась истерика. Что ни сделай сейчас – будет только хуже.

– Рома? – Испуг в огромных женских глазах. Паника. Плещется, нарастает...

– Анжелика? Что ты здесь делаешь? – Узнавание – как удар под дых. Боль в солнечном сплетении – такая, что дви-

гаться невозможно.

– Мамочка, а кто эти люди? Почему этот мальчик тебя обнимает? – Еще один детский голосок. Тоненький и нежный. Совсем такой же, как его обладательница – маленькая копия Лики.

– А ты кто? – Димке вообще на все плевать. Он нашел свое, и никому отдавать не собирается.

Он столько лет подряд искал свою мать в каждом знакомом силуэте, что теперь никого не станет слушать и понимать.

Теперь – только сесть, задрать голову вверх и завывать. Волком.

– Я – Аня. – Единственный персонаж, которого ничто не напрягло в ситуации. Девчушка кокетливо улыбается. – И зачем ты держишься за мою маму?

– Это – моя мама! – Димка уперся рогом. Ему плевать на все и на всех. Он нашел.

– Да? А ты кто тогда? Мой брат, получается? – Аня быстро все просчитала. – Мам, он – мой брат? Это же здорово! Я так хотела братика!

Девочка запрыгала, хлопая в ладоши. У нее – все здорово. Все круто. У Димки, кажется, тоже.

Мне – хочется сдохнуть.

Часть 1

Глава 1

Прошлое. Несколько лет назад

– Эту хочу. Организуй!

Дешевый вискарь, перемешанный с колой, обжигает язык и небо. До горла не доходит – высыхает. Так вдруг становится горячо.

Невинная блондиночка даже не пыталась раздеваться. Ей свистели, улюлюкали, бросали деньги под ноги – она легко их переступала, и продолжала плавно двигаться, не прикасаясь к своей одежде.

Боря хрюкнул. Натурально.

– Эта – самая дорогая. Премиум! – С такой гордостью произнес, будто это его сейчас покупали.

– И что? Добавить денег?

– Вы что? Сегодня я банкую! Сейчас, сейчас все будет! – Забегал, засуетился, омерзительно подвигивая задом. Мразь, а не сотрудник. Что за глупость – думать, что меня можно купить таким вот банкетом?!

– Проходите, пожалуйста, в отдельную комнату. Приватные танцы – только там!

Лениво поднялся, шагнул за дверь. Предвкушение нарас-

тало.

– Сколько-сколько?! Она там совсем охренела?! Да таких пучок можно взять за эту сумму!

Боря жмотился и торговался. Не знал, что его прекрасно слышно.

– Я сам заплачу, не надо. – Еще не хватало мне подачек от жирного мудака. Еще и на украденные деньги.

Менеджер с таким же сальным, жадным взглядом протянул бумажку с прејскурантом...

Что ж.. Невинная кошечка ценит себя, как в столице. Но на нее не жалко: кровь, бушующая в жилах, и жаркий, ненасытный интерес – давно со мной такого не было. Ради этой крали можно было и сгонять в богом забытую провинцию.

– Держи. – Боря даже сглотнул, провожая взглядом пачку купюр, проплывшую мимо его кармана. Надо было щелкнуть его по носу, да не стал – пока рано. Пускай пока думает, что отлично выслужился.

Мягкий диван принял в свои объятия. Здесь можно было прикрыть глаза и безмятежно ждать, когда же придет красивая кукла.

Безмятежно не получалось: нервы натянулись, как канаты. Еле слышный шорох у входа ударил по ушам.

– Сними маску.

Хотел видеть все ее лицо, не только алые губы и дерзкие глаза.

Девчонка лишь головой мотнула. Что ж. Ладно. Поиграем

по ее правилам. У меня еще есть время, чтобы вернуться и получить все, что захочу.

– Тогда танцуй.

Она не вздрогнула. Не пошатнулась. Перетекла от входа к центру. Губы шевелились беззвучно – то ли считала такты, то ли подпевала про себя. Копна волос метнулась по спине и плечам, тоже затанцевала – отдельно, сама по себе, отвлекая от упругих бедер и тонкой талии.

В глотке снова случилась пустыня. Жарко, сухо, безнадежно горячо. стакан воды, еще один – большими, жадными глотками, все, как в песок. Так недолго и окочуриться, не увидев всего, что кошечка приготовила...

Она заметила. Озорно улыбнулась... Оставила шест в покое, так и не забравшись на него. Парой легких движений, не сбиваясь с ритма, приблизилась, встала, почти касаясь коленей – своими.

Взмах брови – будто попросила разрешения. Налила еще воды, сделала глоток, протянула мне бокал. На стекле – ни следа помады. Губы – сами по себе такие алые. Горячая, невинная, настоящая, дерзкая... Наверное, сладкая до обморока.

Теперь ледяная прохлада тягуче заливалась в рот короткими, небольшими каплями. Пил и смотрел ей в глаза. Интимнее поцелуя, жарче секса получалось. Остро до безобразия.

– Теперь ты. – Юркий язычок метнулся по губам – у нее

тоже все пересохло. А мы даже еще не начали.

Глоток воды из того же стакана – еще интимнее, чем поцелуй. Не отводя от нее взгляда. Наблюдая, как мечутся и расширяются зрачки.

Ей тоже нравится игра, похоже. Иначе, зачем бы девчонке следить, как вода прокатывается по моему горлу, словно считая глотки?

Протянула тонкий пальчик с ярко-красным ногтем, обвела мою нижнюю губу, собирая капли. Резко отдернула, не позволяя поймать его в рот.

Зато не заметила, как моя ладонь ложится ей на колено – стройное, гладкое, с нежной шелковистой кожей. Замерла, как пугливая лошадка, позволяя огладить его, спуститься ниже – до самой изящной лодыжки...

А глаза – все такие же дерзкие. С вызовом. Ни на секунду не отвела. Даже когда позволила провести по застёжке – легко, невесомо, едва задевая кожу.

Яркий язычок метнулся по сухим губам, пытаюсь их увлажнить, да без толку: они так и остались сухими. И дышать ей стало сложно: рот приоткрылся от короткого вздоха.

Думал – сбежит, отпрыгнет. Ошибся: лаковая туфелька пошевелилась, приподнялась, уверенно встала в мою ладонь, еще одно движение – и стройная ножка примостилась ровно между моих коленей.

Вот тебе и воплощение невинности.

Музыка стихла. Пара секунд тишины. В них слышно ды-

хание – мое и женское. Одинаково неровное и сиплое.

Новый мощный аккорд – как дуновение свежего воздуха... Не успел поймать: кошечка оттолкнулась от дивана, крутанулась вокруг своей оси, сделала несколько шагов назад.

Что ж. Если это аперитив перед основным блюдом – я готов и подождать.

Она все так же плавно двигалась, перетекая в пространстве, все с такой же невинной грацией обвивалась вокруг пилона... Но ощущение электричества в воздухе нарастало. В каждом ее пристальном взгляде – искры. В каждом изгибе рта – соблазн.

Смотреть – одно удовольствие.

Но пора бы уже и потрогать.

– Иди сюда! – Дождался новой паузы в звуках, похлопал по колену.

Сочные губы сложились в трубочку, будто в сомнении, растянулись в улыбке... Послушалась. Поплыла навстречу. Повернулась ко мне спиной и устроилась на коленях. Поерзала попойкой.

Я и так уже возбужден – дальше некуда. Зачем еще добавлять?!

Поймал в ладони тонкую талию – настолько узкую, что вся целиком в обхват помещалась. Большие пальцы легли на

выступающие позвонки – хрупкие, тонкие, изящные... Провели по ним, заставляя кошечку вздрогнуть, изогнуться... Но это ей не помешало двигаться в такт музыке – все так же легко и плавно...

Сочные, упругие ягодички перекатывались по моим бедрам... Мучительно сладко, невероятно горячо. В глазах – сполохи возбуждения. Не столько вижу, сколько чувствую четкий контур татуировки под руками. Какое-то животное на пояснице... Кошечка? Смешно. И круто.

Девчонка дернулась, как от удара. С коленей прыгнула. В танце прыгнула, дальше пошла – все так же потекла по поверхности... Меня оставила с зудом на кончиках пальцев: невероятно хотелось потрогать дальше. Прощупать, почувствовать, ощутить всю кожу: шелково-гладкую, горячую, с легким налетом испарины...

Остатки воды из бутылки вылились в горло, минуя стакан. С этой чертовкой можно издохнуть от жажды, и даже не заметить, как испустил последний вздох. Не женщина, а какое-то сплошное облако дурманящего желания.

Дернул за лацканы пиджака в попытке справиться с удушьем. Пуговицы жалобно треснули. Сам пиджак полетел куда-то за кожаный диван. Девушка только глянула через плечо... игриво подмигнула. Приглашающе?

Да какая разница, черт возьми?! Главное, что я жду это приглашение!

Поднялся. Один широкий шаг – и ее спина уже прижима-

ется к моей груди. Макушка закинута назад – на мое плечо, волосы разметаны по ткани рубашки – белые на белоснежном. В глазах – удивление. Но не испуг. Вызов. И соблазнение.

Все ее тело – воплощение греха. Полная грудь, обтянутая черным, вздымается высоко, колыхнется, просится, чтобы ее взяли. И кто откажет в этой просьбе? Кто угодно, только не я.

Кошечка шипит, прикусив нижнюю полную губу, опускает веки... замирает на секунду... вырывается из объятий.

Бежать-то некуда: комната пустая. В ней огромный диван и пилон. И дверь, закрытая снаружи. Никто не выпустит ее, пока не закончится время. Если только орать не начнет... Но разве я допущу, чтобы девчонка кричала? Всегда найду, чем закрыть хорошенький рот.

Она продолжает танец – обвивает шест ногой, кружится, разметав по полу волосы. Черная майка задирается, обнажив плоский живот с блестящими бисеринками пота. Эту влагу хочется слизывать, урча от удовольствия. Ощущая себя первобытным животным, впервые увидевшим саму. Хочу. Так сильно, что мышцы сводит. Затылок гудит. Пальцы сжимаются.

Давно распушенный галстук болтается, как удавка... Очень вовремя попадает под руку.

Скалю зубы вместо улыбки, ну, тут уж – как получается. Девчонка выпрямилась, уперлась затылком в пилон, зрачки расширены – и в них ни тени испуга. Играет. Наслаждается.

ся этой игрой и моей реакцией. И сама возбуждена: горошины сосков выпирают сквозь плотную ткань, это невозможно спрятать. Язычком пробегается по губам, снова и снова... И не уходит.

Ловлю запястья – такие же тонкие, как вся она. Завожу за спину. Галстук – очень кстати, отличная вещь, чтобы руки связать.

Дерзкий упрямый взгляд никуда не прячется. Словно вызов бросает. Думает, не шагну дальше? Или провоцирует на этот шаг?

Склоняюсь к лицу. Всего пара миллиметров между губами. Ловлю запах ее дыхания – что-то мятное, сладкое, и немного горького кофе.

Тыльной стороной ладони веду от подбородка вниз. У меня волосы на коже вздымаются, как наэлектризованные. Тонкая вена на ее шее бьется со скоростью тысяча ударов в секунду. Заполошно.

Увернулась от губ. Подставила щеку – нежную, гладкую, влажную.

Пальцем возвращаю ее подбородок на место – прямо под поцелуй.

Пухлые губы беззвучно шепчут: «нельзя».

– Мне – можно.

Так и тянет подмять ее всю. Разом. Целиком и полностью. Чтобы даже грамма свободы не осталось.

Девчонка дрожит всем телом, изгибается, закинув голову.

И продолжает смотреть – глаза в глаза. Даже цвет радужек разобрать невозможно: они все затоплены огромными зрачками. Легко касаюсь ароматной кожи губ – настолько тонкой, что мой рот на ее фоне – наждачка. Грубая, злая, жадная. Неотвратимая. Пальцы сжимаются где-то под ее ребрами, скользят вверх, не останавливаясь, застревают на полushариях груди. Дальше двигать их просто невозможно.

Ее дыхание – намного слаще воды. И жажду утоляет лучше. Именно то, чего не хватало для счастья.

Она невысокая, даже на каблуках. Приходится наклоняться, чтобы углубить поцелуй. Слежу, как ее веки тяжело опускаются, взгляд пьянеет, туманится, куда-то уплывает.

Ей все это нравится! Вся ее дерзость смывается глубоким томным вздохом. Губы впускают меня – ни капли протеста. Все по согласию. Все честно. И мне это можно – целовать ее, вжимать в свое тело.

Галстук спускаю с ее запястий, чтобы освободить руки, закинуть их на свою шею – никакого сопротивления. Девчонка виснет на моем теле, послушно подставляет спину, талию, затылок под жадные ласки.

Еще чуть-чуть – я ее прямо здесь поимею. Не отходя от шеста. И плевать, что неудобно и неправильно. Терпеть нереально и невозможно. Желание отключает все мысли и память. Просто хочу. Здесь. Сейчас.

Подхватываю круглое колено, чтобы закинуть его на свое бедро. Теперь девчонка держится на одной шпильке, пилоне

и на чистом упрямстве – не падает. А могла бы. И тогда – все. Ничего бы не остановило.

Музыка бьет по ушам оглушительным аккордом. Вслед за этим наступает тишина. Опустошающая.

Вместе с музыкой исчезает все покорство и податливость танцовщицы.

– Ваше время кончилось. – Шепчет еле слышно, убивая этими звуками.

Секунда – и она расплетает объятия, подбирает ленту галстука, словно алый трофей, и исчезает.

Твою же мать!

Глава 2

– Лика. Опять опаздываешь! – Грымза Ивановна как будто нарочно стоит у входной двери и ловит меня.

– Простите, пожалуйста. Я отработаю вечером, в двойном размере! – Какие-то пять минут, а ощущение, что я целый день прогуляла.

– Нет. Я тебе придумала другое задание. Справишься – сделаю вид, что ничего не было.

– Хорошо. Как скажете. – Хорошая работа. Мне нравится все, что делаю. Если бы не начальство – сплошные изверги!

– Отнесешь отчет проверяющему.

– Кому?!

– Тому. Ты слышала прекрасно. Можешь даже не включать компьютер. Бери папку и неси.

Ужас. Проще сразу уволиться. От этого монстра уже два дня весь офис ходит на цыпочках и боится дышать.

– Я же ничего не знаю, Наталья Ивановна! И отчет в глаза не видела! А если он что-то начнет спрашивать?

– Ну, вот так и скажешь. Тебе бояться нечего: честно признаешься, что еще на стажировке. Иди. – Она пихала меня в спину, ускоряя, а в руки совала огромную папку с документами.

Как овцу на заклятие погнала.

И никуда не денешься – мне нормальная работа нужна.

Всю жизнь танцевать у шеста – не получится. Да и страшно после вчерашнего...

Всю ночь проворочалась от жарких сновидений. И снилось такое, чего раньше никогда не видела, оооох... Если бы не этот мужчина вчерашний, ничего бы такого не было. И я бы на работу не опоздала...

– Как там, Надь? – Вот она – заветная страшная дверь. Всего-то и надо – нажать на ручку, вбежать и отдать начальнику этот злосчастный отчет. И вырваться на волю.

Но лучше уточнить у секретарши, к чему готовиться: сожрут меня сразу или на кусочки разберут?

– Не знаю. Не слышно ничего. Как с утра заперлись, так и не выходят. Только кофе литрами глушат...

– Ох... – Не успев подумать, прижала ухо к двери. Просто, чтобы понять – к чему готовиться?

«Зря. Очень зря» – это последняя мысль, посетившая мою несчастную голову.

Время как будто замедлилось, и я внимательно наблюдаю, как тяжелая деревянная громадина летит мне прямо в лоб. Увернулась. Обошлось без шишек и синяков...

Но я сама свалилась на пол.

– И что ты тут развалилась? – Грозные раскаты голоса, от которых захотелось вжать голову в плечи, а лучше – испариться, исчезнуть. – Господи, откуда здесь столько идиотов?

– Борис... Аркадьевич. – Вторым голосом можно было бы морозить, а потом убивать. – Кто тебе позволил так обра-

щаться с сотрудниками?

Так. Бумажки. Бумажки нужно собрать. Что они тут разлетелись по сторонам? Собрать все в кучку, засунуть в папку, отдать Аркадьевичу и бежать!

И даже не пытаться проверять – кто это встал на мою защиту? Показалось. Это просто показалось. В реальности такому случиться невозможно!

– Девушка, вы не ударились? – Тот же низкий хрипловатый голос явно обращается ко мне.

Я, вроде бы, вчера ничего не говорила. И была в маске... Но если он все равно узнает? Это же конец!

Только бы... Только бы не узнал! Господи, пожалуйста! Пусть он был пьян и меня не запомнил! И приличный костюм спасет меня!

Ухоженные мужские пальцы прикасаются к запястью... Прожигают электричеством. Точно так же, как и вчера! Это мистика какая-то!

Мотаю головой, не рискуя поднять глаза.

– Что ж ты так девочку запугал, Борис Аркадьевич?

С замиранием сердца наблюдаю, как мужские колени сгибаются, чтобы присесть рядом.

– У вас точно все нормально? – Смотрит прямо в лицо.

Не узнал. Не узнал! Это настоящее чудо!

– Спасибо. Все хорошо. Я уже почти справилась...

На автомате облизываю пересохшие губы. Сейчас бы воды. Ведро. Не только попить, но и остудить голову...

Внимательный взгляд, упавший на мой рот, да так на нем и застрявший, вгоняет в краску. Заставляет кровь разбежаться по телу и жарить меня, как в аду.

– Это новенькая, Роман Витальевич. Не теряйте времени, пусть учится нормально работать с документами.

Толстый жирный хряк с лоснящимися щеками и двойным подбородком – наш Борюсик. Ему, конечно же, никогда не придет в голову встать на колени и кому-то помочь.

– А имя у новенькой есть? Давайте знакомиться, раз уж так сложилось.

Теперь я знаю имя своего ночного кошмара. И своего самого сладкого наваждения. Того, кто сорвал мой первый настоящий поцелуй. И того, кому всю ночь я готова была во сне отдаться...

– Ау? Что же вы так растерялись, девушка?

– Извините. Я не успела надеть бейдж. Меня зовут Анжелика.

– Очень приятно. Роман. – Без всяких усилий он поднимается и помогает подняться мне. Еще и пылинку с рукава смахивает. – Пойдемте, выпьем с вами кофе? Уверен, вы знаете хорошие места, где его умеют варить...

Ловлю виноватый взгляд секретаря. Надя не виновата, что наш шеф покупает исключительно бракованные и просроченные зерна. Экономит.

– Роман Витальевич! А как же... – Борюсик несется следом. Одного настоящего врага я себе нажила. Хана моей ста-

жировке в этом месте. Пора искать новое.

– Собери документы, Борис. И приведи их в порядок. Я прогуляюсь, проветрюсь, потом вернусь.

Весь офис, наверное, слышит его облегченный вздох. Борясику дали передышку.

А меня ведут на заклание.

Еле переставляю ноги, ища хоть какой-нибудь способ сбежать и не смотреть больше в глаза Роману. Слишком красивые и слишком горячие глаза.

– Итак, вы готовы провести мне экскурсию по самым значным местам вашего района? – Я смотрю под ноги, не рискуя поднять взгляд... Но даже так догадываюсь, что он улыбается. И даже так, внимательно следя за своими шагами, умудряюсь споткнуться.

– Что такое? Вы повредили ногу, когда падали? – Роман Витальевич, не стесняясь, хватает меня под локоток.

– Нет. Все хорошо. Просто... волнуюсь...

Сейчас бы отвести его туда же, где встретились вчера... Это значное место ему точно понравится!

– Я пошутил, конечно. Прекрасно понимаю, что такие девушки не тратят свое время на заведения с плохой репутацией.

Все вокруг слышат, о чем наш разговор. Уверена, уши готовы сломать, только бы не пропустить ни звука. Весь офис затих и не дышит даже...

– Я и хороших мест в этом районе не знаю. Некогда туда ходить, честно говоря...

Удивительно, что мужчина вообще разобрал, что я там промяукала... А может, и не разобрал, просто сделал вид – из вежливости.

– Роман Витальевич! Давайте, я вас провожу?! Здесь поблизости – великолепный ресторанчик! Там и кофе на песке, и мясо шикарное, и рыбные блюда!

Грымза Витальевна! Кто бы мог подумать, что я буду счастлива её появлению? Оказалась задвинутой за ее спину, и только тогда спокойно вздохнула...

– А разве не вас я послал за отчетом? Где он, кстати?

– А вот он. Его Анжелика вам несла...

– Почему Анжелика, если я лично вам поставил задачу?

Грымза замаялась, нервничая, опустила очи долу... Не зря тут все так боялись Романа Витальевича – одной фразой он умудрился весь ее боевой задор уничтожить.

– Вот и собирайте бумажки, готовьтесь. Считайте – повезло, что появилось еще немного времени на подготовку.

Черт. Черт, черт, черт! Он реально хочет увести меня куда-то! И остаться там наедине!

– Пойдем, Анжелика. Я голоден, как тысяча чертей. Может, перекушу, и всем вам станет легче?

Белозубая улыбка, внезапно осветившая серьезное лицо, и я снова млею. Этот человек опасен. Своим обаянием на тысячи ватт может просто убить всех, кто находится в ради-

усе километра.

Мой короткий кивок – и он улыбается снова. Теперь уже – только мне. Доводит до головокружения.

– Я, действительно, не знаю, куда вас вести. – На крыльце тормозим. Оглядываемся.

– Ну, где вы обедаете обычно? Или на диете?

– Нигде. Я с собой бутерброды приношу. – Приходится сглотнуть и прокашляться, чтобы прочистить горло. Вроде бы, никаких намеков на узнавание нет. Он просто нашел себе новую жертву. К несчастью, выбор пал снова на меня.

– Ладно. Вместе пойдем на разведку. – Снова хитрая улыбка, заговорщическая такая.

Он мог бы быть милым и приятным, если бы я не знала – за этим невинным и умным взглядом прячется настоящий хищник. Он скоро закончит проверку и уедет. А я останусь. И желательно – тут же, не теряя шикарный шанс получить работу.

– Хорошо. Как скажете.

– На самом деле, я уже все нашел. Вот это название вам известно? – На экране телефона светится вывеска знакомой кафешки, мимо которой я бегаю к автобусу.

– Да. Сейчас покажу.

Рвусь вперед. В надежде, что получится улизнуть от внимательных глаз и не слышать новых вопросов. Надежда, что меня не узнали, крепнет и силится. Главное – ничем себя не

выдать. Не показать, как моя голова кружится только от того, что этот мужчина рядом.

– Вот. Проходите. Здесь должно быть свободно.

Осекаюсь под новым пристальным взглядом: Глаза – рот – грудь – талия – ноги. Он так меня изучает, словно снимает мерки. Или прикидывает, как будет смотреться костюм кошки... Тот самый, латексный...

– Что?

Почему-то засмотрелся на колени. Странно. Вчера они были в узких, облегающих лосинах. И у меня там нет никаких пятен и родинок. Нечего узнавать!

– Стрелка. На колготках. Или как у вас это правильно называется?

Не успеваю сделать вдох, как он приседает и проводит пальцами по коже. Тонкий капрон – смешное препятствие для обжигающего касания. Как будто каленым железом ведет. И вызывает мурашки. И снова дышать невозможно.

– Ой.

– Что такое? – Притворяется. Валяет дурака. Можно подумать, не видит мою реакцию!

Ладонью упираюсь в его плечо. Просто для того, чтобы не упасть. Оно все такое же твердое и крепкое. Мышцы перекатываются от каждого движения, самого легкого... Ночью не показалось – он действительно мощный. Только прячет свою силу под рубашками и костюмами.

Меня ведет. Шатает. Не справляюсь сама с собой. И это

не по причине недосыпа, голода или страха быть узнанной. Рядом с этим мужчиной потерять себя – вообще не сложно. Достаточно просто расслабиться – и упасть к нему под ноги. Лужицей растечься и сдаться. Он слишком хорош!

– Уберите, пожалуйста, руку. Это неприлично. Неправильно.

– Пардон. – Смотрит снизу вверх, пытливо, загадочно так... – Я проверить хотел – нет ли ушиба или синяка.

– Там ничего не болит. Не переживайте!

– Жаль.

Все так же сидит на корточках. Никуда не спешит. И ладонь свою жгущую с моих ног не убирает... Еще и вторую рядом кладет.

– Жаль, что у меня не болит ничего? – От удивления даже мое волнение на время пропадает. Очень интересный персонаж – Роман Витальевич...

– Я мог бы вас на руках внести. Спасти от боли. Пожалеть, согреть, успокоить...

Веки сами опускаются вниз. И в горле сохнет. Это невозможно пережить – когда Роман поднимается, практически касаясь меня всем телом. Это острее, чем приватный танец. Даже в костюмах. Даже среди бела дня. На улице. На глазах снующих прохожих... Мужчина соблазняется и соблазняет каждым своим движением.

Так же, как я вчера его соблазняла! Это наказание такое?

Глава 3

Что со мной делает воздух провинции... Змей-искуситель, а не скучный и злой начальник...

Никогда не позволял себе заигрывать с молодыми сотрудниками, а с этой – никак не могу остановиться.

Нужно Борюсику выписать премию за такие увлекательные приключения. Перед тем, как с треском выгнать. Мужик совсем края потерял: почему-то решил, что походом в стрип-клуб он разом перечеркнул все свои грехи и косяки. Идиот.

– Я вернусь в офис. Там есть запасные колготки. А вы можете и без меня перекусить...

Девчонка продолжает трястись, как осиновый лист, от моих прикосновений к коленкам. Так, словно по ней пускают короткие разряды тока.

И прячет глаза. И щеки трет, покрытые алой краской. Еще чуть-чуть – и в обморок брякнется.

– Зачем тебе колготки? На улице жара.

Все. Кажется, уже падает.

Встаю, придерживаю за талию. Тонкую. Намного тоньше, чем кажется под мешковатым пиджаком. На ощупь она совсем хрупкая и маленькая.

– Сходи в туалет и сними их.

Этот приказ и меня самого повергает в шок. Звучит намного интимнее и острее, чем надо бы.

В изумленных глазах – полный и необъятный шок. Такой глубокий, что пациенту скоро придется делать искусственное дыхание. То самое, по принципу «рот в рот». А что, я бы не отказался...

Борюсик подождет. Чем длиннее агония, тем быстрее потом помрет.

– Ну, если хочешь и дальше ходить в порванных – ради бога. Я не настаиваю. Но кофе мы будем пить вместе.

Испуганная лань вздрагивает, освобождается из моих рук, врывается в дверь заведения и где-то исчезает. Будем верить, что все же – в дамской комнате. Будет печально, если она сбежит навсегда. Придется искать с фонарями, чтобы вернуть. А искать – точно буду. Это за пределами рационального.

И не будет ничего удивительного, если придется идти и спасать ее из туалета. Судя по повадкам, с девчонки станется закрыться там и не выходить до обеда.

Как можно было подумать, что это – вчерашняя, из клуба? У той дерзость через край плескалась, аромат соблазна сносил крышу и лишал разума. Анжелика – совсем другая. Но от нее коротит не меньше, чем от кошечки.

Голые коленки, едва прикрытые краем строгой юбки – новое испытание для мозгов. Глаза не хотят подниматься выше – наоборот, облизывают, ласкают голени, лодыжки, ступни, едва прикрытые неглубокими туфельками...

Черт. Такими темпами и свихнуться можно.

Она точно знает, куда я смотрю. Спотыкается. Но тут же выравнивает шаг и гордо выпрямляет спину. Садится рядом за столик, не дожидаясь, пока я вспомню про воспитание и подвину ей стул...

– Что будешь есть?

– Ничего. Я не голодна.

– Значит, я сам выберу. И только попробуй не справиться...

С ней весело командовать и смотреть, как сверкают глаза и поскрипывают зубы. Не тот характер, похоже, чтобы подчиняться... И эту строптивость очень хочется вытащить на белый свет.

– Спасибо. Я буду омлет и кофе.

– Что же. Так лучше.

Заказ у нас принимают оперативно. Кофе приносят моментально. Он здесь реально вкусный, ароматный, обжигающий...

Над краем чашки слежу за Анжеликой. Она с не меньшим, чем я, наслаждением, делает первый глоток, второй, третий... Довольно прикрывает глаза. Расслабилась, кажется.

– Как ты оказалась в этом гадюжнике?

– А? – Снова паника в глазах. Чуть кофе обратно не выплюнула.

– Ну, в нашей компании выживают очень специфические люди. Ты для нее слишком нежная и пугливая, я считаю.

И полная расслабленность в человеке напротив. Как будто ждала подвоха, а он не случился.

Странно. Очень странно... Но я обязательно разберусь. Слишком интересная девочка, чтобы оставить ее без внимания.

Просто нереально оторваться.

– Я не пугливая.

Так это гордо звучит. Почти вызывающе. И так забавно, что приходится убрать свой напиток подальше – иначе поперхнусь и забрызгаю все в округе.

Это был бы классный эксперимент, кстати: испачкать ее белоснежную блузку. И тоже заставить ее снять. Ха-ха.

Интересно, послушалась бы?

– А какая ты? Дрожишь, как лань, от каждого слова, к тебе обращенного. И подпрыгиваешь, как ужаленная...

Девчонка обиженно кривит губы. Задел?

– На правду не обижаются, кстати.

– Я не обижаюсь.

– Мда? А что ты делаешь?

– Я впервые вижу незнакомого мужчину, который за чем-то трогает меня за ноги...

Снова ха! Все-таки, я ошибся. Внешнее сходство с вчерашней кошечкой уходит все дальше и дальше. Та бы, уж точно, лапаныю за ноги не стала удивляться. Скорее, спросила бы, почему я этого не делаю...

Кровь разгоняется, стоило только вспомнить те острые ощущения. Хотя... Зачем вспоминать, если сегодня округлые коленки, ничем не прикрытые, откровенно дразнят мои глаза?

– А что, ваш шеф себе такого не позволяет?

Теперь она еле сдерживается, чтобы не выплюнуть кофе. Огонь и веселые чертеныа в глазах... Опять налетает дежавю – как будто я все это уже видел. Так недолго и свихнуться...

– Борис Аркадьевич? Он замечает только себя в отражении зеркала. И кошелек, возможно. Спросите его, как меня зовут, – ни за что не вспомнит!

– Серьезно?

– А. Простите. Сейчас он видит еще вас. И делает вид, что слепо обожает. Попросите, чтобы вам что-то помял – исполнит. И помнет, и погладит, и почешет... Лишь бы начальство улыбалось.

Внезапно. Слишком жесткое замечание для девочки, которая даже взгляды прячет. Слишком честное и откровенное для новенькой...

– А ты не такая уж и милая, как посмотрю...

– Вы спросили – я ответила.

Она просто за пару секунд меняется. Губы поджаты. Тонкий носик вздрагивает, брови сходятся, образуя неглубокую морщинку.

Пальчики – аккуратные, длинные, без единого украше-

ния, с бесцветным маникюром, барабанят по краю стола. Заметив мое внимание, девчонка хватает салфетку, сминает ее, потом замирает.

Тихий омут. И черти там явно хорошо себя чувствуют. Правда, прятаться как следует не научились...

У меня даже пальцы зудят от желания растормошить их, заставить плясать. А потом любоваться эффектами.

– Не боишься, что я эту информацию буду использовать?

– Можно подумать, вы сами не знаете, что наш Боренька – самовлюбленный болван. Ничего нового я не рассказала.

И опять ее отпускает. Хлоп – и сидит себе такая, милая скромница. Кромсает вилкой только что принесенный омлет, грызет лист салата, опускает веки, демонстрируя удовольствие от еды...

А у меня ком в горле. Мясо никуда не лезет, сколько ни жуи. Представилось, отчего-то, как эти же ресницы трепещут во время самых горячих ласк...

– А чем еще полезным ты со мной поделишься? Может, не зря я выбрал тебя для совместного завтрака?

Изящный кулачок пристроился под подбородком. Она смотрит с готовностью и каким-то непонятным азартом.

– А вы спрашивайте. О чем знаю – обязательно расскажу.

– Вот даже как...

Пришлось отложить вилку и нож. Девчонка – настоящая шкатулка с секретами. Стоило чуть-чуть зацепить край крышки, и теперь они лезут без остановки...

– Да. Вот так.

Она почему-то злится. На меня? Или на своего идиота-шефа? Как бы там ни было, рассматривать перемены эмоций на хорошеньком лице – радость эстета. И грудь у нее под блузкой вздымается все выше и выше. Волнуется.

Будоражащий аромат предвкушения щекочет мои ноздри. С Анжеликой не может быть скучно. Чем дальше – тем любопытнее и заманчивее.

– А не боишься, что тебя сожрут потом, когда я уеду? Люди ж прекрасно поймут, откуда мои сведения...

– Они меня и так сожрут. Даже если буду молчать. Они все уже сидят и просчитывают, какой компромат я успела выложить, а до какого не дошла.

– Все знают, что ты любишь стучать? – Неприятное открытие, сажем честно. Стукачей никто не любит, и я – не исключение.

– Никто ничего обо мне не знает. Я работаю всего три недели в этой компании.

– Но уже готовишься слить все секреты? С какой, интересно, радости? Думаешь, дам за это какие-то привилегии?

– Думаю, все равно придется уходить. Меня не простят в любом случае. И все, что вы сами найдете и увидите, будет свалено на меня.

– Так я, получается, подставил тебя? Испортил с коллегами отношения?

– Наверное.

Смотрит исключительно в тарелку. Словно кольца свежего огурца стали ей намного интереснее, чем моя непобритая рожа. Не выпался после бурной, ничем не законченной ночи. Строил планы, как буду снова ловить кошечку, и утром было как-то не до бритья. Но дело – не в щетине, конечно же.

– Что ж. У меня появились кое-какие идеи.

Например, отвести ее отсюда в гостиничный номер. И долго-долго там говорить. Но, конечно же, не о Боре. Хотя, можно обойтись и вовсе без разговоров. Я найду, чем занять ее влажный розовый язык...

– Я могу гарантировать, что тебя никто не тронет в этом офисе. И тебе не придется никуда уходить.

– Объявите своей любовницей? Неприкасаемой? – Она ухмыляется горько и едко. И столько презрения во взгляде...
– Не беспокойтесь. Я все равно ею не стану.

Глава 4

– Вот это фантазия... – Роман Витальевич с такой укоризненной качает головой, что хочется испариться.

Вот прямо здесь и сейчас – провалиться. Можно вместе со стулом.

– Когда я успел хоть словом обмолвиться о чем-то подобном? – Ничего нельзя понять по взгляду: нравятся ему мои слова или возмущают. Лицо непроницаемое, а глаза прожигают, кажется, до самых костей...

Позор! Позорище! Это ж надо было так облажаться... Язык мой – враг мой!

– Вы себя ведете таким образом, что ничего другого в голову не приходит! Что еще можно подумать после таких предложений?

– А ты мне очень нравишься, Анжелика. Seriously. – Даже намек на улыбку на красивых, твердо очерченных губах. И нисколько не похоже на комплимент.

Приходится сглотнуть. В горле першит от растерянности... Хочется сбежать отсюда. И ноги приросли к полу – двигаться не желают. Как магнитом тянет к этому странному, сложному, непонятному человеку.

– Не уверена, что это хорошо...

Смотрю в тарелку, гоняя по ней последние две зеленые горошинки. Так проще, чем ждать, что Роман Витальевич

еще выдаст. Можно притвориться, что горох – моя любимая еда. И я просто жить не смогу, пока последнее не поймаю.

Вздрагиваю от громкого хохота. Раскатистого, довольно-го... и такого настоящего, что несмело улыбаюсь в ответ.

– Решено. Ты в любом случае будешь здесь работать! И плевать, что скажут остальные!

– Я еще не прошла стажировку. Может быть, не научусь. И тогда придется уйти по несоответствию должности...

Плохо себе представляю, как смогу выжить в этом змеином царстве – мне точно никто не простит такого внимания от высокого шефа. Сожрут. По косточкам. И не подавятся.

– Пройдешь. Гарантирую.

– И... мне не придется... – слова изо рта вылетать отказываются. Приходится выталкивать их через силу, – не придется делать... ничего... такого?

Щеки горят. Руки тянутся к ним, чтобы потрогать, чуть-чуть остудить ледяными ладонями. Но хватает сил, чтобы не позволить себе эту слабость. Держусь, как могу. И плевать, что внутри все дрожит.

– Любовницей быть не надо. Если ты это имела в виду. А ты же об этом говорила, правильно?

– Стучать я тоже не хочу. Это против моих правил.

– Уважаю твою позицию. Правда, обидно немного...

Он точно надо мной издевается. Тянет паузы так долго и томительно, что подмывает заорать: «Да говори ты уже! Не тяни кота... за хвост, для примера...»

– Чем я вас обидела?

Отставила в сторону тарелку, так и не поймав на ней остатки зелени. Мужчина напротив отзеркалил жест. И, точно так же, как и я, поставил локти на стол, уложил подбородок на согнутые кисти. И теперь смотрит прямо в мои глаза. Чуть-чуть шевелит бровью...

– Ты меня уже обвинила во всех грехах, Анжелика. И стучать я тебя заставляю, и спать со мной ради должности... Что у вас тут за жизнь такая странная, провинциальная? По-другому нельзя?

– Можно подумать, у вас, в столице, как-то иначе устроено... – Презрительное фырканье вылетает раньше, чем успеваю спохватиться и промолчать.

– Конкретно у меня – иначе. И у тебя тоже так будет.

И тут же, противореча своим же собственным словам, тянет пальцы к моим губам. Точно так же, как делал это вчера. Не успеваю отдернуться – и он что-то снимает с уголка рта.

– Ты испачкалась.

На пальце нет ничего. И я только что вытиралась салфеткой. Он выдумал, просто выдумал причину!

Только вот высказать это прямо уже не хватает сил.

В голове от волнения шумит.

– Я вас не понимаю, Роман Витальевич. – Вздых вырывается сам собой. – Говорите одно, а делаете – совсем другое. И как вам верить после этого?

– Я и сам себя не понимаю, Анжелика. Но можешь быть

уверена в одном: ты мне очень нравишься. И я не заставляю тебя делать ничего дискомфортного...

Снова что-то прячется под его словами. Что-то такое, что снова на ум приходит вчерашний танец и неумный жар во всем теле.

– Мне уже некомфортно. Дальше просто некуда!

– А давай, закажем мороженое?

– Что? – Выгляжу глупо, наверное, хлопая в недоумении ресницами.

– Охладимся чуток. А потом поговорим уже серьезно. О деле.

– Лучше тогда ведро со льдом. – Опять слова вырываются изо рта без моего ведома. Говорю, что первым приходит на ум.

– Вот как? И шампанское? – Насмешка – легкая и немного удивленная, но не злая. – Не рановато ли? А может, ты у нас из семьи аристократов?

У него опять появляется повод облизать меня взглядом. Вроде как, изучая и что-то прикидывая... А по факту – раздевая. По рукам пробегаются мурашки, по спине – холодок. Я ведь уже давно привычная к такому – в клубе никто никогда не стесняется смотреть и более нагло... Но никогда еще так не нервничала и не волновалась, как сегодня и сейчас...

– Насыпать вам за шиворот. Чтобы охладить, так по-настоящему!

– Молодец, Анжелика. Твой острый... – Липкая пауза. Нечаянно облизываю сухие губы, и Роман Витальевич запинаятся. – Твой острый ум – очень полезное достоинство.

– Я знаю. – Да. Я прекрасно живу на те деньги, что приносит влияние задницей у шеста. Но это не значит, что не хочу и не могу заработать мозгами. Обязательно это сделаю, а потом уже брошу стриптиз.

Он опять меня внимательно изучает. Более внимательно смотрит в глаза. Пусть. Лучше так, чем когда пялится и обжигает мне голую кожу на голых коленках.

– Что-то мне подсказывает, Анжелика, что тебе не стоит бояться коллег. С таким характером – ты и сама их запросто съешь. Только не принимайся за всех сразу. По очереди, аккуратно, вдумчиво – и все будет.

– Спасибо за совет. Я правильно понимаю, что никаких особых предложений уже не будет?

– Будут, обязательно. – Он решительно встал. – Но чуть позже.

– Бросите меня одну сражаться с ехиднами? – Поднялась тоже. Судя по всему, наш внезапный завтрак закончился, пора было куда-то снова бежать...

– Ну, почему же брошу? Я с удовольствием понаблюдаю, как ты их размазываешь... Люблю такие картины, просто обожаю... Подожди здесь пару секунд, я сейчас вернусь.

Ноги стоять на месте отказываются. Мозжечок сам собой отдает команду телу – бежать. Очень быстро бежать отсюда.

Но хватает выдержки – жду. И даже не перетаптываюсь.

– Держи. – Вручает мне рожок с мороженым, украшенный какой-то непонятной ерундой. Этих цветочков, сердечек и звездочек так много, что самого мороженого и не видно...

Сам Роман Витальевич держит обычную бутылку с водой.

– А где же лед?

– Пока без него справлюсь. Я взрослый мальчик, умею держать себя в руках...

Ну-ну... Так и тянет ему напомнить про то, как вчера тяжело дышал, связывая мои запястья галстуком...

На улице стих даже самый слабый ветерок. Солнце шпарит, и даже в тени стоит невыносимый жар. Асфальт плавится под ногами, острые каблуки босоножек так и норовят застрять... Приходится идти на цыпочках, чтобы не остаться без обуви.

Мороженое очень даже кстати – оно позволяет хоть немного остудить воздух, поступающий в легкие.

Роман Витальевич не подает признаков, что жара ему не по душе: легко шагает, делая небольшие глотки из своей бутылочки, немного ослабил ворот рубашки, – вот и все. Похоже, он сам настолько горяч, что температура снаружи – просто для баланса с внутренностями...

– Ну, и как?

– Что? – Спотыкаюсь опять, услышав неожиданный вопрос.

– Нравлюсь?

Черт. Сквозь черные очки невозможно понять, куда он смотрит. И мне даже не пришло в голову, что Роман прекрасно видел мои взгляды.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.